

ЧАРЛИ ЧАПЛИН некогда сказал: «Каждый художник носит свое детство в кармане». Может, нескромно называть себя художником, когда тебе исполнилось лишь 29 лет, однако свой жизненный путь — пусть даже извилистый, с узкими тропинками в гору и крутыми зигзагами — я вижу только в театре.

Театр моей мечты! Он родился еще в детстве, когда я не в силах был спокойно высиживать 45 минут, пускал по партам листочки с рисунками и текстами. Даже учителя иногда улыбались. А может, началом следует считать тот момент, когда я, проглотив укороткой слезу, — из-за малого роста меня не приняли в кружок народных танцев — сидел, надувшись, как павлин, и, торжествуя, смотрел на своего брата Витаутаса. Он, долговзый, в моих глазах стал лилипутом — учитель (это святое слово имело в моей жизни огромное значение) не принял брата для участия в интермедии...

А. может быть, театр моей мечты начался тогда, когда родилась Гражина. Мы, четверо братьев, были счастливы, заимев одну сестру, и устроили праздник!

Нет, теперь я знаю: все началось гораздо раньше. Был я тогда еще совсем маленьким. Буржуазные националисты подожгли соседний с нами дом коммуниста Тауениса. Этот добрый приятель отца постоянно бывал у нас, мы называли его дядей. И вот его дом загорелся. Занялась и наша изба, мы выбежали на улицу. Страшные крики — сгорела двухлетняя дочка Тауениса. Багровые отблески металась по струям Вейвирже, бродили по небу. Все это потрясло меня, ребенка, до глубины души...

А потом «Водяная лилия» В. Римкявичюса, роль Гядки. Репетировали по вечерам. Родители у меня были строгие, но на это дело отпускали. Любили самодеятельность. Да и все наше местечко Вейвирже-най почитало искусство, все ждали спектакля, спрашивали, когда пригласим. Мы сами были и художниками, и актерами, только режиссером был учитель.

Понас Вилькис заразил нас своим темпераментом, живостью, требовательностью. Мы не могли понять, как в одном человеке могут уживаться два столь разных характера? И любили его, и боялись. Забрили английский: знали — поблажек не будет — пусть ты у него самый главный актер.

Премьера стала праздником для всех. Мы, актеры, позаботились о лучших билетах для своих пап и мам — по-

ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ

МЫСЛИ АКТЕРА МОЛОДЕЖНОГО ТЕАТРА
ГЕДИМИНАСА ГИРДАВИНИСА
О РАБОТЕ И СЕБЕ

ближе к сцене. Приятно было смотреть на их гордые лица, на довольных соседей и знакомых, собравшихся в классе...

Эти самодеятельные спектакли стали подлинными ступеньками к моей мечте — театру. И очень жаль, что некогда сегодня поставить такую лестницу для нынешней молодежи Вейвирже-най. Сегодня там построен прекрасный Дворец культуры, а самодеятельности нет. Нет личности, которая увлекла бы всех за собой, нет учителя.

Позже, в консерватории, я нашел (а может, они меня нашли — не знаю) еще двух учителей — заслуженного деятеля искусств Литовской ССР Леонида Лурье и народную артистку Литовской ССР Галину Яцкевичюте.

Л. Лурье глубоко чувствовал духовное состояние человека, видел нас насквозь. На репетиции он всегда приходил сосредоточенным, подготовленным, требовал от своих студентов находить в ролях новое, свежие психологические детали, выявлять мысль. На репетициях надо было наблюдать за товарищами, думать, проверять себя: как поступил бы ты в данной ситуации? Как передал бы мысль режиссера? Раздумывая над этими вопросами, я попросил роль Юлюса в пьесе Ю. Грушаса «Любовь, дьявол и джаз», в которую вложил много сердца.

Г. Яцкевичюте окружала нас материнской заботой, теплом. Она призывала нас реприть в свои силы, не отчаиваться при неудачах. Нам, недавно оставившим школьную парту, эта опека была крайне необходима.

Таковы учителя на первой ступени моей жизни.

На второй — педагоги были несколько иные: труд и еще — жизнь. Они сопутствовали друг другу. Сейчас мне ясно одно: я живу тогда, когда работаю, когда не сплю ночами, а заснув, вижу своего героя.

«Здравствуй!» — говорю я ему, вставая утром. И пью чай так, как он, идя по улице так, как шел бы он. Хорошо, если мысли мои и героя совпадают. Помню, как работал над ролью Томаса в пьесе Р. Рас-таускаса «Воздушный гоночный змей». Не буду углублять-

ся в достоинства и недостатки пьесы — это дело критиков, — однако могу утверждать: мне близка нетерпимость Томаса к несправедливости. Восхищает и задумчивость пьесы. Играть было хорошо. Точнее говоря, я не играл Томаса. — я был им.

Другое дело, когда в спектакле не видишь концепции режиссера, не знаешь, что он хочет сказать. Тогда и сам теряешь цель. Так случилось с ролью Густава в пьесе Метерлинка «Чудо святого Антония», поставленной Вильнюсским телевизионным театром. Жаль мне этого «повисшего в воздухе». Густава — я так и не нашел ключа к нему.

Принято говорить, что работа актера тяжелая. Я ска-зал бы так: тяжелая, но интересная. В спектакле получаешь возможность раскрыть не только мысль автора пьесы, но и выразить свое мнение. Так, я сыграл образ слуги крестоносца в литовском фильме «Геркус Мантас».

Приятно было работать над ролью инженера Илмара в пьесе эстонского драматурга Э. Ветемаа «Ужин на пятерых». На первый взгляд, может показаться, что перед нами жизнь очень современной молодой семьи и ничего больше. Муж и жена мучают друг друга и мучаются сами — что к этому можно добавить? Однако и автор, и режиссер Д. Тамулявичюте нащупали главное — потенциальную возможность героев найти друг друга, начать все сначала. Любовь есть, только мы заглушаем ее мелочами повседневности, опутываем паутиной быта. Если смысл жизни человека, по словам А. Чехова, состоит «в духовной деятельности», то он особенно проступает в данном спектакле. Поиск внутренней правды мне так же дорог, как и вообще нетерпимость к несправедливости, лжи. В роли Илмара мне довелось пережить не одно отрадное мгновение. Возможность начать все сначала в самые трудные моменты вспыхивала даже не в Илмаре, а во мне самом. Я заглядывал в себя и удивлялся: до чего я странен, незнаком самому себе. И до чего я радовался тогда тому, что я актер!..